

Научная статья

УДК 340.12

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(3).418-434

EDN ZQCRGU

Методология исследования судебного правообразования: интеграция различных концепций правопонимания

Даниил Сергеевич Дерхо*Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия**derxo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5693-8733>*

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается интегративное правопонимание как оптимальный тип правовой методологии для анализа феномена судебного правообразования, способный преодолеть односторонность монистических концепций и связать право, как целостный социальный регулятор, с реальными механизмами его образования и эволюции. Проводится комплексное рассмотрение естественно-правового подхода, юридического позитивизма, исторической, марксистской материалистической, психологической, социологической теорий, либертарного типа правопонимания и юридического реализма с точки зрения их концептуальной пригодности и инструментальной значимости для исследования судебного правообразования. Показано, что каждая из этих теорий фиксирует важные аспекты генезиса и функционирования права (включая аксиологический, нормативный, исторический, классово-экономический и социологический, свободу и формальное равенство), но в изолированном виде не объясняет ни истинную природу права, ни механизм творческой, но институционально ограниченной роли суда. Новизна исследования состоит в развернутой реконструкции потенциального вклада названных подходов в формирование интегративного типа правопонимания и в конкретизации параметров настройки интегративной модели под задачи изучения судебного правообразования: учет естественно-правовых и либертарных критериев свободы, формального равенства и справедливости, ретроспективного исторического анализа, ментальных и психологических факторов судейского усмотрения, социологических и реалистских представлений о праве как о живой практике при сохранении позитивистских требований легитимации и логической строгости судебного правоустановления. Автор утверждает практическую значимость интегративного правопонимания как перспективной модели, способной составить основу методологии исследования судебного правообразования, одновременно фиксирующей право как целое и раскрывающей творческий, ценностный и институциональный потенциал судебных решений в эволюции правовой материи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

интегративное правопонимание, судебное правообразование, методология права, правотворческая роль суда, пределы судебного творчества, системный анализ права

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дерхо Д.С. Методология исследования судебного правообразования: интеграция различных концепций правопонимания / Д.С. Дерхо. — DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(3).418-434. EDN ZQCRGU // Академический юридический журнал. — 2026. — Т. 27, № 3. — С. 418–434.

Original article

Methodology for the study of judicial legal formation: integration of various concepts of legal understanding

Daniil S. Derkho*South Ural State University, Cheliabinsk, Russia**derxo@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5693-8733>*

ABSTRACT

The article substantiates integrative legal understanding as the optimal type of legal methodology for analyzing the phenomenon of judicial legal formation, capable of overcoming the one-sidedness of monistic concepts and linking law as an integral social regulator with the real mechanisms of its formation and evolution. A comprehensive review of the natural law approach, legal positivism, historical, Marxist materialist, psychological, sociological theories, libertarian type of legal understanding and legal realism is conducted in terms of their conceptual suitability and instrumental significance for the study of judicial law formation. It is shown that each of these theories captures important aspects of the genesis and functioning of law (including axiological,

© Дерхо Д.С., 2026

normative, historical, class-economic and sociological, freedom and formal equality), but in an isolated form does not explain either the true nature of law or the mechanism of the creative but institutionally limited role of the court. The novelty of the research consists in a detailed reconstruction of the potential contribution of these approaches to the formation of an integrative type of legal understanding and in specifying the parameters for adjusting the integrative model to the tasks of studying judicial law formation: taking into account natural law and libertarian criteria of freedom, formal equality and justice, retrospective historical analysis, mental and psychological factors of judicial discretion, sociological and realistic ideas about law as a living practice while maintaining positivist requirements of legitimation and the logical rigor of judicial law. The author asserts the practical importance of integrative legal understanding as a promising model capable of forming the basis for the methodology of judicial legal formation research, at the same time fixing the law as a whole and revealing the creative, value and institutional potential of judicial decisions in the evolution of legal matter.

KEYWORDS

integrative legal understanding, judicial legal education, methodology of law, law-making role of the court, limits of judicial creativity, system analysis of law

FOR CITATION

Derkho D.S. Methodology for the study of judicial legal formation: integration of various concepts of legal understanding. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2026;27(3):418–434. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(3).418-434. EDN: ZQCRGU.

Введение

В последние десятилетия предметом активной научной дискуссии как в отечественной юридической доктрине, так и в ряде иностранных правовых систем выступает вопрос о судебном правообразовании как о самостоятельной категории и феномене правовой реальности. Взгляды ученых полярно различны, их спектр — от полного отрицания самой легитимности подобной постановки вопроса до безусловного признания и даже определения приоритета судебных форм образования и преобразования права, что требует проведения комплексных научных исследований для формирования зрелой доктрины, но на первом этапе сводится к принципиальной значимости того, что именно будет названо правом, поскольку любая правовая методология зависит от лежащего в ее основе правопонимания [1, с. 11]. К современному этапу развития человеческой мысли накоплен большой массив философских, политико-правовых, экономических, исторических, социокультурных знаний о появлении и проявлениях права, которое без сомнения «составляет одно из великих явлений человеческой жизни» [2, с. 21]. Величие и многомерность этого феномена таковы, что предпринятый многими поколениями исследователей научный анализ не привел к формированию единого общепризнанного учения, но позволил выкристаллизовать многочисленные концепции правопонимания, включая теории естественного права, юридического позитивизма, юридического реализма, а также историческую, классовую, психологическую, социологическую, либертарную, интегративную и иные теории. При этом каждая из устоявшихся теоретических

концепций имеет под собой серьезные методологические основания, а существенная специфика подходов и разнонаправленность фокуса внимания в указанных моделях характеризуют их в качестве самостоятельных исследовательских инструментов, эффективность и результативность которых зависят от целей и задач конкретного научного поиска. Юриспруденция должна составлять целостную картину права, опираясь на наши наиболее устойчивые понятия и убеждения [3]. Следовательно, прежде чем приступить к исследованию судебного правообразования как явления правовой реальности, необходимо определить наиболее адекватную для предстоящей аналитической работы концепцию правопонимания, что предполагает краткое рассмотрение основных теорий на предмет их концептуальной пригодности и, соответственно, инструментальной значимости в контексте достижения преследуемой цели исследования.

Естественное право

Из уважения к прослеженной еще Г. Еллинеком почти трехтысячелетней истории естественно-правовых представлений [4, с. 256–257] обзор применимых концепций правопонимания следует начать с доктрины естественного права. Ведь уже с первого момента, когда человечество задумалось над сутью права, возникло и убеждение в существовании естественного права [4, с. 256], действительная сила которого не вытекает из какого-либо человеческого постановления, а, напротив, является для него эталоном, высшим стандартом оценки и путеводной звездой. Эта фундаментальная теория воспринимает право безотрывно от высших принципов справедли-

ности, свободы и равенства, проистекающих из природы самого человека, из универсального нравственного начала.

Право в любом языке (в русском — «правда») так или иначе соотносится со справедливостью [5, с. 13]. «По заслугам нас назвали жрецами, ибо мы заботимся о правосудии, воздвигаем понятия доброго и справедливого» [6, с. 83]. Это утверждение Ульпиана, связывающее воедино право и правосудие, можно было бы положить в основу рассуждений о роли суда в появлении и развитии права, попытавшись оправдать им выбор естественно-правового подхода к исследованию вопросов судебного правообразования. Однако обоснование естественной справедливости неизбежно строится на высших метафизических представлениях [7, с. 47]. В данном случае способ мышления и аргументации может быть только философским [1, с. 47], что выводит доктрину естественного права за предметные границы юридической догматики в область философии права. Указанное замечание не лишает естественно-правовые представления присущего им эвристического потенциала в юриспруденции, в том числе при исследовании практических вопросов происхождения права, но не позволяет принять за основу в качестве базового утилитарного исследовательского инструмента. Всякое право по природе своей представляет нечто практическое и должно найти какое-нибудь применение в жизни [4, с. 263]. Между тем достаточно очевидно, что естественное право, сконструированное в сфере общечеловеческих ценностей и морали, авторитетно апеллирует к идеалам, но недостаточно структурировано и институционализировано для непосредственного практического применения уполномоченным лицом, в том числе судьей, в каждом конкретном случае. В этом смысле при исследовании механизма судебного правообразования теория естественного права может и должна приниматься во внимание и использоваться в качестве *метаметодологии* для определения внутреннего содержания права, к установлению которого необходимо стремиться правопорядку. Непосредственные же способы достижения такого состояния, степень пригодности для этой цели механизмов правосудия, объективное влияние результатов деятельности органов судебной власти на появление и развитие права в должной мере могут быть раскрыты лишь с использованием иного, в том числе более прагматичного, исследовательского инструментария, позволяющего эффективно проводить мультивекторный (ретроспективный, проспективный, компаративист-

ский и пр.) анализ социально-правовых явлений, не оставляя при этом без внимания и оценки официально-легитимных механизмов продуцирования обязательных нормативных предписаний (текущее позитивное законодотворчество).

Юридический позитивизм

Другой наиболее развитой, пусть и критикуемой, но интуитивно понятной, укорененной в юридической доктрине и социальной практике концепцией правопонимания является теория юридического позитивизма. Сам термин *positivism* происходит от латинского *positum* — «положенное» и акцентирует внимание на противопоставлении положенного, т.е. предписанного права и права естественного, неписанного. Зародившись в Средние века, идея *positive law* как права, созданного человеком, осознанно интерпретировалась в качестве самостоятельного явления, отличающегося от морали или божественного закона [8, с. 47]. В своем классическом виде позитивизм настаивает на строгом разделении права и морали, при котором юридическая валидность основана не на моральных аргументах, а на социальных фактах (законы, конституции, а в *common law* — статуты и судебные акты) [9]. Догма позитивизма состоит в том, что позитивное право отождествляется с самим правом. То есть для позитивиста закон — это реально существующее социальное явление, включающее в себя дискурсивную систему идентификации и предоставления оснований для действий [10], а источником права всегда выступает акт воли суверена в логике «все, что суверен разрешает, он повелевает» [11]. В свою очередь, связь между разумностью или справедливостью позитивного права и его юридической эффективностью не является обязательной [12].

Идея о том, что внутренним источником права, основой его легитимации, авторитета, обязывающей силы всегда выступает только и исключительно воля суверена [13], со временем показала свою уязвимость. Современные позитивистские теории оспаривают жесткую дихотомию права и морали, признавая роль моральных принципов, особенно в трудных случаях, где позитивное право неоднозначно либо неполно [9]. В соответствии с обозначенной тенденцией постепенно произошел переход от доминирования идей эксклюзивного («жесткого») юридического позитивизма, где юридические факты основаны исключительно на социальных фактах (нормативных правовых актах), к инклюзивному («мягкому») позитивизму, где юридические факты

обязательно основаны на социальных, но могут включать моральные факты и оценки в зависимости от особенностей системы. Поэтому можно резюмировать, что внутренним источником права для современного позитивиста выступает воля суверенной государственной власти, находящаяся в генетическом соотношении с моралью, традициями и ценностями соответствующего общества. Иными словами, внутри традиции позитивизма речь идет о некоем «минимуме морали», необходимом для легитимности права [10]. В обозначенном (внутреннем) контексте борьба двух идеологий (позитивизма и натурализма) более не вполне адекватна современному состоянию права, поскольку позитивизм стал моральным, социальным и политическим [14].

В отличие от обозначенной динамики внутренних смыслов представление о внешнем выражении права только в официально-легитимных источниках на всем протяжении исторического развития юридического позитивизма фактически остается неизменным. Позитивисты убеждены, что крепкий фундамент, в котором нуждается оборот и его движение, может быть дан только установленным (положительным) правом, «затвердеет ли оно в очистительном огне продолжительного и однообразная применения» или будет создано властным повелением законодателя [15, с. 23]. Соответственно, право отождествляется с текущим законодательством и проявляется только в разрезе *de lege lata* («по существующему закону», согласно действующему праву) и не находится в фокусе поиска *de lege ferenda*.

В таком виде позитивизм оказался правдоподобным объяснением структуры права, но не может удовлетворительно объяснить феномен судебного разрешения споров [16]. Ведь если право — это только правило гражданского поведения, предписанное верховной властью в государстве, то до тех пор, пока верховная власть не издаст предписания, права не существует [17], тогда как суд во всех развитых правовых порядках обязан разрешить подведомственный ему спор и в отсутствие прямого законодательного регулирования конкретной сферы общественных отношений и даже в отсутствие схожего правового регулирования, т.е. в условиях невозможности применения аналогии закона. Значит, безотносительно к оценке роли суда как участника правотворческого процесса либо как субъекта, уполномоченного лишь найти и применить «неписанное», но уже существующее право, нельзя не признать, что право шире законодательной нормы, оно просачивается в правовую реальность и из других источников,

которые несправедливо ускользают от внимания юридического позитивизма.

Изложенное не означает, однако, целесообразности полного отказа от опоры на юридический позитивизм в исследовании проблем судебного правообразования. Напротив, будучи социальным регулятором, обеспеченным силой государственного принуждения, право не может произвольно менять свою форму, полностью лишаясь очертаний и превращаясь в эластичную субстанцию. Соответственно, исследуя правотворческий потенциал правосудия, следует по возможности наиболее четко определить его предметные и функциональные границы в соотношении с традиционными элементами позитивного права, для того чтобы в конечном итоге увязать их в единый правообразующий механизм и определить пути официальной легитимации в правовом порядке. По результатам такой эволюции позитивное право способно сделать следующий шаг навстречу праву естественному вслед за той подвижкой во внутренних смыслах, которая уже произошла при переходе от эксклюзивного к инклюзивному позитивизму. Однако пока этого не произошло, поиск оптимального подхода к правопониманию, способного дополнить как естественно-правовые, так и позитивистские представления при рассмотрении роли правосудия в феномене права, необходимо продолжить.

Историческая теория

Опыт развития человеческого социума, свойственные ему асимметрия и неравномерность, нелинейная зависимость от конкретно-исторических, географических, социокультурных и даже антропологических факторов и условий в первой половине XIX века привели мыслителей от юриспруденции к идее о том, что право — это не самоценная данность человеческого разума и не результат произвольного установления законодателем, а продукт исторического развития общества. В своей программной статье «О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции», послужившей значимой вехой в формировании исторической школы права, Ф.К. фон Савиньи [18, с. 128–208] заметил, что право обладает определенным характером, присущим народу так же, как его язык, нравы, его устройство [18, с. 131]. Как для языка, так и для права не существует мгновения абсолютного покоя, оно развивается вместе с народом, формируется вместе с ним благодаря внутренним, незаметно действующим силам, а не вследствие произвола законодателя — изначально в силу обычая и народ-

ной веры, а далее, продолжая оставаться частью жизни всего народа, — в качестве особой науки в руках юристов [18, с. 134]. В фундаментальном труде «Система современного римского права» Ф.К. фон Савиньи окончательно оформил свои представления о происхождении и существовании права, указав, что творит его народный дух, совокупно живущий и действующий во всех отдельных людях [18, с. 283].

Идею поиска истоков права в духовных сферах каждого народа поддержал Г.Ф. Пухта, утверждающий, что право предполагает своим источником народный дух, общее юридическое сознание, которым наделены все члены общества, как общим языком, общей религией в один союз, основанный на телесном и духовном родстве, порождающий общность юридических убеждений [19, с. 22].

Без сомнения, реформа, произведенная исторической школой в философских понятиях юристов, оставила прочные и неизгладимые следы как минимум в том, что история закономерного развития права стала незыблемым достоянием юриспруденции [20, с. 116]. Несмотря на то, что предложенная родоначальниками теории идея о народном духе как самостоятельной правообразующей силе достаточно быстро подверглась критике как излишне романтизированная [20, с. 114], на обозначенном пути эволюции смыслов историческая школа права выполнила фундаментальную задачу трансформации представлений юристов о праве, освободила их от сковывающей дихотомии естественно-правового и позитивистского подходов, обратила внимание на совокупность внутренних (психологических) и внешних (конкретно-исторических) факторов и условий, сопутствующих и содействующих появлению и развитию правовой материи, послужив предтечей к формированию иных, более специальных подходов к правопониманию.

Обращаясь к судебному правообразованию в контексте рассмотренного типа правопонимания, необходимо отметить, что сама суть, рациональная основа исторической школы права не предполагала необходимости исследования и оценки конкретных инструментальных способов установления (оформления) официально-легитимных правовых предписаний. В соответствии с этим роль суда априори не могла быть возведена до уровня правотворчества, а ограничивалась функцией органа толкования в отношении уже сложившихся, исторически утвердившихся (вызревших из народного духа, укоренившихся в практике или предопределен-

ных существом общественных потребностей) норм. Задачи правосудия здесь фактически были сведены к благородной, но вневещной деятельности по поддержанию правового порядка посредством искусного владения весами и мечом [21, с. 15]. Тем не менее наследие исторической школы права велико и сохраняет свое непосредственное практическое значение в юриспруденции, прежде всего за счет выработанной и воспринятой последующими поколениями ученых методологии, согласно которой юристу необходимо двойное понимание: историческое, чтобы учитывать своеобразие каждой эпохи и каждой правовой формы, и систематическое, чтобы видеть каждое понятие и каждое положение в живой связи и взаимодействии с целым, т.е. в отношении, которое является единственно верным и естественным [18, с. 152]. Иными словами, ретроспективный анализ является на сегодняшний день обязательным условием релевантного исследования сущностных характеристик любого значимого правового явления, своеобразным стандартом эвристических научных практик в юриспруденции, включая судебное правообразование. Ведь именно судебные решения (кто бы ни выступал в роли суда) являлись первым легитимным проявлением права, первой его формой, основой для своего рода доктринального осмысления права и основанием для собственно нормотворческой (законодательной) деятельности государства [5, с. 7–8]. В соответствии с этим необходимо признать, что эффективное теоретическое рассмотрение вопросов судебного правообразования возможно лишь при условии осознанного учета исторических реалий (влияния религиозных, национальных традиций, форм государственной власти, особенностей отправления правосудия на эволюцию правовых предписаний в течение доступного к обозрению периода развития человечества), вдумчивого восприятия опыта иностранных порядков, в том числе в части исторически сложившихся представлений о правосудии, праве и правообразовании, широкого использования методов историко-системного, компаративного и типологического анализа, позволяющих выявить закономерности развития правовых категорий, опосредующих возникновение и сосуществование права и правосудия, их отражение в современных теориях права, последовательного движения от архивного и источникового анализа к многоуровневому теоретическим моделям, выявляющим внутреннюю связь права и правосудия друг с другом и культурой конкретного общества в целом.

Марксистская материалистическая концепция права

Как теоретическая конструкция материалистическая концепция права сформировалась в середине XIX века в трудах Карла Маркса и Фридриха Энгельса, после чего получила развитие и интенсивно культивировалась в социалистических государствах, прежде всего в СССР, обеспечивая сохранение идеологического фундамента правопорядка. Как бы ни изменились затем подходы к взглядам Маркса и Энгельса на политику, государство, право, закон и как бы ни варьировались их оценки, одно остается несомненным: эти взгляды навсегда вошли в историю всемирной политико-юридической мысли, составив ее солидный пласт [22, с. 703], а значит, подлежат изучению и учету и в современных исследованиях.

В самом общем представлении суть материалистической концепции состоит в том, что общественное разделение труда, появление прибавочного продукта, частной собственности и обусловленное ими имущественное неравенство неизбежно ведут к социальной стратификации и образованию классов, которые находятся в постоянной борьбе за средства производства. Эта классовая борьба становится движущим фактором истории, а поэтому и основным правообразующим источником, непосредственно вплетаясь в содержание правовых норм, которые обслуживают интересы господствующей социальной страты. Соответственно, право и государство выступают в качестве элементов надстройки по отношению к экономическому базису общества, а их содержательная сторона определяется уровнем развития производственных отношений, характером структуры общества и интересами владельцев средств производства. Таким образом, право в классической марксистской теории трактуется как выражение воли экономически господствующего класса, превращенное государством в закон. Очевидно, что в таком взгляде на право методологически нет места концепции ординарного судебного правообразования. Отрицание сторонниками материалистического подхода к праву принципа разделения властей [22, с. 698, 702] как фикции [23, с. 188] в своем базовом виде основывалось не на признании правообразующего эффекта судебной деятельности, а на идее соединения в коммуне (совете, комитете и пр.) всей полноты власти над обществом — прежде всего в виде нормотворческих, контрольных и прочих распорядительных полномочий. Несмотря на это, исследование процесса образования права

и роли правосудия в его появлении и развитии может опираться на выработанные в советской литературе представления о том, что норма права (общеобязательное правило поведения) формулируется и обеспечивается государством вне зависимости от абстрактного идеализма естественно-правовой, исторической теории, а исходя из реальных экономических потребностей общества. Это предполагает учет в правообразовании экономической основы права и даже вопросов экономической целесообразности [23, с. 217], что на современном этапе выражено в доктрине экономического анализа права [24]. Ведь право невозможно понять и эффективно использовать, изучая его лишь с точки зрения догматики и систематики. Напротив, представления о должном юристу необходимо черпать, в том числе из экономики и других областей знания, где накоплен богатейший эмпирический и аналитический материал, без учета которого построение рациональной системы правотворчества сейчас просто немыслимо [24, с. 17].

Юридический реализм

По следам повсеместно доминировавшего на протяжении XIX века юридического позитивизма, не преодоленного в конечном итоге идеями исторической школы права, в середине XX века развивается концепция юридического реализма, полнее всего представленная американским, скандинавским и российским направлениями, каждое из которых детерминировано своими внутренними причинами и основаниями, но выступает против формализма (культы нормы права) в правоведении [22, с. 746].

Центральная идея рассматриваемой концепции правопонимания состоит в том, что право пусть и сопровождается созданием некоторой системы норм, прежде всего находит свое выражение в действительном поведении должностных лиц, наделенных юридическими полномочиями. Считается, что у теоретических истоков юридического реализма стоял правовой прагматизм О.У. Холмса, который рассматривал право как серию предсказаний о том, каким образом будет действовать суд на практике, чем сближал право с эмпирической наукой, стремясь определить относительную ценность различных социальных целей [22, с. 503–504]. Впоследствии доктрина юридического реализма нашла свое развитие в трудах Дж. Фрэнка, определявшего право как решение суда в отношении любого конкретного набора фактов в той мере, в какой это решение затрагивает конкретного человека. По его мне-

нию, до тех пор, пока суд не вынесет решение по таким фактам, права по данному вопросу еще не существует, а имеет место лишь предположение относительно того, какое решение примет суд [25, с. 46]. К. Левеллин также отвергал аксиоматичное представление большинства правоведов о том, что правила — это сердце права, а составление правил в упорядоченную связную систему — дело ученого-юриста [26, с. 13]. Он полагал, что большинство людей формируют свое поведение в соответствии с образцами действий, мышления, стандартами суждений, которые они вдыхают в качестве социальной атмосферы, в которой живут, а законодательство является лишь авторитетной командой должностному лицу, будь то судебному или исполнительному, впредь действовать в соответствии с ним [26, с. 22–23].

Несмотря на первоначальное восприятие юридических реалистов в качестве «возмутителей академического спокойствия» [22, с. 746], их концепция нашла свое дальнейшее развитие (в том числе, но не исключительно) в работах представителей школы критических правовых исследований. «Теперь мы все юридические реалисты. Важно то, что возникает из судебного процесса» [27], замечают современные последователи этого типа правопонимания. По их мнению, не формальные правовые нормы и принципы, а текущая политика (в широком смысле), которую необходимо систематично изучать эмпирическими методами социальных наук, имеет наибольшее практическое значение для разрешения споров [28, с. 37]. Существует мнение, что юридический (правовой) реализм — это перспективный «третий» путь, пролегающий между юридическим позитивизмом и натурализмом, который помогает преодолеть кризис современной теории права, коренящийся в отрыве права от практических юридических проблем [29].

При всей очевидной пользе подхода, стремящегося избежать формализма и учитывающего реалии правоприменительной деятельности, его восприятие в качестве базового типа правопонимания представляется неперспективным и в какой-то степени даже антиправовым, поскольку излишне упрощает юридическую науку, делает неразличимым не только концентрированное выражение права, но и его сколько-нибудь демаркированные предметные границы. «Здоровая мысль, дойдя до преувеличения, сама себя губит» [30, с. 86]. Под видом актуализации плюрализма источниковой базы и введения в оборот «неканонических» форм права для цели всестороннего анализа правопорядка [31, с. 98]

некоторые «реалисты», помимо права, исходящего от государства, произвольно придают правовое значение «параллельным» порядкам и системам, принятым в специфических социальных средах (например, в мафиозных структурах) [32, с. 6–7]. Ссылки реалистов на прагматизацию юриспруденции и начало эры диктатуры правоприменителя, мало интересующегося теоретическими аспектами права [31, с. 97], характеризуют скорее отдельные этапы развития конкретного социума (чаще всего в периоды радикальных преобразований), чем достойные укоренения рациональные черты развитого правопорядка, способного продуцировать качественное юридическое знание. Призыв же реалистов к трансформации представлений о праве как теоретической конструкции в пользу опыта и юридической практики [31, с. 103] не только и не столько способствует устранению препятствующего общественному развитию юридического формализма и утверждению понимания права как социально-психологического феномена, сколько в очередной раз демонстрирует самое уязвимое место в их теории, которое состоит в пренебрежении к моменту нормативной определенности в праве [22, с. 747].

Между тем природу права вообще и природу творческой деятельности суда в частности невозможно искать только в текущей юрисдикционной практике, которая разнообразна, ситуативна и изменчива. Напротив, содержательные аспекты правоприменения, в том числе судебного (как и элементы правообразования в них), необходимо рассматривать в системной связи с конвенциональными представлениями о праве как о социальном явлении, которое имманентно обладает определенностью, имеет собственную структуру и механизмы, поддающиеся доктринальному осмыслению, теоретическому моделированию и практическому воплощению. Безусловно, такое воплощение всегда будет в какой-то мере зависеть от психических способностей, морально-нравственных установок и иных особенностей конкретного правоприменителя. Однако степень этой зависимости не должна достигать критических значений, дезавуируя само представление о праве как элементе объективно существующей реальности. Иными словами, массив действующих нормативных правовых актов, как и обеспечивающая их принятие, применение, осмысление и поддержание в актуальном состоянии юридическая инфраструктура, включая классическую правовую догматику, не может и не должен обесцениваться до уровня «книжного», «бумажного», «формального» — словом, вымышленного,

недействующего права, а обязан служить почвой, основой, рамкой, горизонтом, связывающим элементом, единым стандартом жизни социума, который развивается и дополняется судебным правообразованием, но не подменяется им. Ведь иначе при слепом, произвольном принятии решений методический реализм неизбежно закончится грубым иррационализмом [1, с. 74].

Либертарный тип правопонимания

Данное направление трактует право как формальное равенство свободных индивидов и рассматривает свободу как сущность права. Несмотря на то, что в качестве законченной доктрины либертарная модель сложилась только к концу XX века, фокус ее внимания на естественных и неотчуждаемых правах человека позволяет усмотреть истоки подхода в классической теории естественного права, в частности, в трудах Дж. Локка, который провозглашал, что «целью закона является не уничтожение и не ограничение, а сохранение и расширение свободы. Ибо во всех состояниях, где нет закона, нет свободы» [33]. В российской науке основателем систематического либертарного взгляда на право считается В.С. Нерсисянц. Согласно его суждениям, право — это математика свободы [34, с. 53], всеобщая форма свободы людей, выражающаяся в принципе формального равенства, основанием и критерием, для которого выступает свобода индивидов в социальных отношениях, признаваемая и утверждаемая в форме их правосубъектности [34]. В трудах западных теоретиков (Р. Нозик, Ф. Хайек) акценты либертарной теории права расставлены несколько иначе. Чаще всего речь идет об ограничении вмешательства государства, в том числе посредством права, в частную жизнь индивидов, исходя из того, что люди обладают правами, и есть действия, которые не может совершать по отношению к индивиду ни иной человек, ни общество, ни публично-правовое образование, включая государство в целом.

Следует заметить, что сторонники либертарного подхода к образованию и развитию права не признают непосредственной творческой роли суда, однако придают ему большое значение в становлении и сохранении правопорядка. Например, В.С. Нерсисянц прямо отрицал правообразующую функцию правосудия, отстаивая правоприменительную природу судебных актов [35], но при этом соединял правосудие и правовую регуляцию в едином механизме весов справедливости [35, с. 55] и называл судебное решение одной из форм выражения, осуществления и су-

ществования уже качественно определенной для данного социального времени и пространства сущности права [36, с. 51], а правосудие (юстицию) — суждением по праву, осуществлением справедливости [37, с. 46].

Иным образом, но столь же категорично Ф.А. Хайек указывал на то, что когда суд должен определить, каким образом общие правила могут быть применены к конкретному случаю, решают дело не воля суда, а логические следствия всей системы принятых правил [38, с. 196], однако лишь суду под силу обуздать административный произвол [38, с. 286].

Очевидно и не требует дополнительного обоснования, что идеи либертарной юриспруденции, будучи выстроенными в целостную систему на началах свободы, справедливости, формального равенства, ограничения пределов вмешательства государства в дела частных лиц, обладают высочайшим гуманистическим потенциалом, высвечивают саму суть права как искусства доброго и справедливого, поэтому подлежат учету при исследовании любой принятой и отстаиваемой современным исследователем концепции правообразования, включая судебное. Более того, именно при рассмотрении проблем судебного правообразования, формировании его парадигмы может оказаться особенно полезной концепция разумного ограничения воздействия государства на общественные отношения, которая органично сочетается с принципом конституционной сдержанности [39, с. 22], а также с идеей о субсидиарной роли суда в образовании и развитии права, с естественными пределами судейского активизма. В свою очередь, начала юридического равенства и справедливости как общеправовые принципы имплицитно заложены в основу деятельности суда как с сугубо процессуальной точки зрения (равенство участников процесса), так и с высоты материально-правовых последствий разрешения каждого конкретного спора при реализации государственной функции по отправлению правосудия в целом.

Психологическая теория

Психологическая школа права в некоторых авторитетных источниках справедливо именуется русской [22, с. 615], учитывая, что основана она в начале XX века Л.И. Петражицким, который впервые предложил взгляд на право как на явление эмоциональное, а именно — на разновидность субъективных (прежде всего моральных) переживаний и провел различие между правом позитивным (шаблонным, догматичным)

и правом интуитивным, способным приспособиться к конкретной ситуации и образовать основу, побудительную силу для корректировки закона [22, с. 848–849]. Социально-психологический подход к истолкованию права применял и Н.М. Коркунов, который находил его почву в индивидуальном сознании, где различал субъективный и социально-психологический аспекты, полагая, однако, что в своем внешнем проявлении право действует и воспроизводится объективно вне индивидуального и иного произвола [40, с. 91]. Так и М.И. Ковалевский видел в основе процесса возникновения государства (а с ним и права) психологическое явление — готовность индивида к подчинению и осознание ее необходимости [41, с. 201].

Основанный на психологических знаниях тип правопонимания, очевидно, не является самодостаточным, ведь психология исследует внутренний мир личности и ее переживания, тогда как образование права объективно связано не только с индивидуальными психическими актами, но и с многоуровневой системой общественных отношений. Тем не менее, несмотря на явно преувеличенное значение психических и психологических реакций в ущерб социальным, экономическим, политико-правовым аспектам, а также отсутствие четкой границы между правовым и неправовым, правомерным и неправомерным, психологическая теория внесла существенный вклад в развитие представлений о праве как о естественном проявлении человеческой природы. Уход от сугубо механистической картины позитивистского правопонимания позволил обогатить методологию и включить в систему юридических координат многие значимые обстоятельства, факты и явления, ранее не учитываемые доктриной, но оказывающие заметное влияние на процесс формирования права.

Применительно к судебному правообразованию такой подход прежде всего позволяет учесть психологические факторы, которые влияют на судей и принимаемые ими решения, включая восприятие судьи не просто в качестве проводника закона, но как человека с собственными целями, ценностными установками, морально-нравственными и эмоциональными особенностями, уникальным сплавом жизненного и юридического опыта, культуры, образования и социальной среды; глубже понять механизм судейского усмотрения; получить максимально полное представление о том, каким образом внутренние убеждения, предрассудки, уровень стресса, личная и профессиональная мотивация, активизм и конформизм

могут влиять на интерпретацию судьей позитивного права при решении конкретного казуса или формулировании абстрактной правовой позиции. Не менее значимым аспектом рассматриваемой теории является понимание психологии участников судебных споров, включая восприятие результатов судебной деятельности тяжущимися лицами, что может быть учтено для обеспечения положительных ожиданий от итогов судебного разбирательства и формирования доверия к суду. Еще один элемент рациональности может состоять в объяснении психологических механизмов формирования и легитимации права, закреплении в доктрине и общественном сознании того факта, что право образуется не только в формально-легитимном законодательном процессе, но и через претворение в объективную реальность идей добра и справедливости, основанных на усвоенных судьями представлениях о должном. Здесь психологическая теория способна учесть неявное влияние ценностей, эмоций, ролевых ожиданий в процессе легитимации судебных решений; обеспечить анализ того, как восприятие власти суда, доверие к системе и уровень правового сознания влияют на эффективность правил поведения, выработанных судебной практикой.

Социологическая теория

Социологическая школа в правоведении сложилась в XIX веке в ходе изучения и обобщения роли социальной среды в истории права отдельных народов (Древний Рим, страны Востока, средневековая и современная Европа) на стадии возникновения элементов системы социального регулирования в примитивных обществах и в дальнейшей эволюции источников права [22, с. 756–757]. Эти исследования по истории, теории и философии права проводились на фоне становления социологии как науки, распространившейся на изучение социальных отношений, стандарты научного видения и мышления, сформировавшиеся в естествознании, а также принявшая на себя миссию рационального и объективного познания мира, в котором живут люди [42, с. 9, 14]. В ходе своего развития социологическая юриспруденция обрела множество различных проявлений, разделившись на отдельные течения и подходы, но сохранив общий методологический фокус на общественной природе права и оставив в центре своего внимания различные особенности социального существования, функционирования и действия права, исследование его значения в обеспечении социального согласия, мира, порядка и справедливости.

Сторонники *школы «живого» права* изначально остановили свое внимание на естественно складывающемся в силу социальной природы человеческого общества состоянии упорядоченности правовой жизни. Так, Е. Эрлих полагал, что наиболее важным, «решающим» признаком права является отождествление его с «порядком» [43, с. 83], лишь ничтожная часть которого зависит от властных органов [43, с. 485]. Эрлих особо выделял «живое право» — то, чего придерживаются стороны в жизни [43, с. 87], полагая, что порядок в человеческом обществе основывается на том, что юридические обязательства исполняются в общем, а не на том лишь, что субъективные права можно защитить в суде [43, с. 83]. По Эрлиху в современной правовой жизни господствует не закон, а хозяйственные документы, в связи с чем живое право нужно искать не в параграфах нормативных актов, а в брачных договорах, соглашениях о купле-продаже, аренде, кредите, ипотеке, завещаниях, завещательных поручениях, в уставах союзов и хозяйственных обществ [43, с. 485]. Перелагая эти плоды интеллектуальных усилий Эрлиха на почву исследования проблем судебного правообразования, необходимо заметить, что сформированный им подход может оказаться полезным, в частности, при анализе и оценке степени влияния правосудия на установившийся в конкретном обществе правовой порядок. В случае подтверждения зримой корреляции между результатами судебной деятельности и формированием (а также последующим изменением) правил, которых придерживаются стороны в жизни, элементы живого права возможно будет выделить в общем массиве текущей практики, а правовые предложения — в отдельных абстрактных правовых позициях высших судебных инстанций, после чего органично соотнести их с нормативными актами законодателя в общей системе права.

Теория Эрлиха объясняет появление права социальной природой человеческого общества, но не называет сам источник, конкретную правообразующую силу, то свойство общественной организации людей, которое предопределяет формирование живого права, обеспечивает его сохранение и развитие. Попытка идентификации этого правообразующего источника предпринята в работах основоположников *концепции солидаризма* (Э. Дюркгейм, Л. Дюги), чья центральная мысль в наиболее общем изложении заключается в том, что основой права (как и социальной жизни в целом) является солидарность, а именно — взаимная зависимость и единство

членов общества [44, с. 5]. В работах Дюркгейма солидарность рассматривается как фундаментальная основа общества. Люди связаны между собой многочисленными узами совместной жизни и разделения труда, что порождает взаимную зависимость индивидов, формирует основу общественной солидарности и предопределяет появление специфических норм регламентации социальных связей [цит. по: 45, с. 106]. Дюги же полагал, что все индивиды обязаны подчиняться социальной норме, основанной на соединяющей их взаимозависимости, так как они суть существа социальные, а всякое общество есть дисциплина [44, с. 6–7]. Однако для него эта норма поведения есть не правило морали, а норма права, органический закон общественной жизни [44, с. 7].

В целом выдвижение социологической методологии в исследовании права и формирование соответствующей концепции правопонимания, учитывающей интересы, психологию и реальные процессы в обществе, окончательно оформили переход от нормативизма к изучению правоприменительной практики, повседневного юридического поведения. При этом классическая (в том числе Дюркгейм, Эрлих, Дюги) социологическая школа послужила отправной точкой для дальнейших исследований эффективности правовых норм, развития правовых институтов и пересмотра роли права в государственном устройстве, заложив основу социологической юриспруденции, которая сегодня сводится к нескольким основным течениям, включая, например, *функционализм* (основоположники Т. Парсонс, Р. Мертон).

Как элемент социологического подхода к правопониманию, функционализм заключается в анализе права, прежде всего через его общественные функции, а также в исследовании соотношения между существованием юридических норм и практическими социальными задачами, которые эти нормы решают для общества. Здесь право основано на фактах, оно фокусируется не на правилах, а на их последствиях, не на доктринальных структурах и аргументах, а на событиях [46, с. 339]. Право рассматривается не как замкнутая система правил, а как инструмент поддержания порядка, интеграции, адаптации и контроля в обществе, юридическая система интегрированных, но подвижных комплексов, где каждая норма или институт выполняет определенную функцию в обществе (поддерживает солидарность, регулирует поведение, разрешает споры или воспроизводит социальные значения). Иными словами, юридический функционализм трактует право как инструмент, а не как

самоценность, акцентирует внимание на социальных следствиях правоприменения и требует постоянного соотнесения правовых концепций с реальной жизнью общества и реальными последствиями решений суда [47]. В разрезе проблематики судебного правообразования можно заметить, что в противопоставление механистической юриспруденции, сосредоточенной на буквальном толковании, независимо от социальных реалий, функциональный подход к судебной деятельности основан на том, что суд должен быть ориентирован на вероятные последствия своего решения, а также стараться интерпретировать цель нормы или прецедента так, чтобы учесть социальные последствия решения, т.е. осознанно направлять социальную практику, а значит, действовать творчески [47].

В целом относительно различных типов социологического правопонимания можно констатировать, что в совокупности своих вариаций он обнаруживает существенную ценность для исследования вопросов судебного правообразования, поскольку позволяет раскрыть реальную роль суда как активного социального института, творчески интегрирующего нормы права с текущими социальными потребностями, ценностями и интересами общества. Применение социологических методов способствует синхронизации и унификации юридического и внеюридического инструментария, позволяя осуществлять эмпирические исследования судебной деятельности, а также оценивать влияние судебной практики на формирование правовой культуры и правосознания, а также на состояние системы права и правовой системы общества. Такой вектор раскрытия проблематики судебного правообразования благоприятствует формированию представлений о том, при каких условиях и в какой степени судебные акты и абстрактные правовые позиции способны достичь качественных характеристик правила поведения, отражающего динамику общественных процессов и обеспечивающего гибкость и смысловую корректировку текущего законодательства под вызовы времени и обстоятельства современной жизни. Восприятие права в качестве живого социального процесса, находящегося в постоянном и глубоком взаимодействии с обществом, его экономикой и социальной сферой, раскрывает феномен судебного правообразования в динамике, т.е. не только в качестве результата формальной интерпретации текста закона, но и в виде процесса отражения в судебном праве текущей социальной реальности, общественных интересов, конфлик-

тов, а также направления развития общественных отношений. Такой подход способствует формированию объективных критериев социальной эффективности судебных решений, позволяет учитывать потребности населения, специфику анализируемых судом социальных отношений и одновременно минимизировать риски юридического произвола.

Вместе с тем, несмотря на весомый пул обозначенных преимуществ и широкий спектр доступных эвристических механизмов, социологический подход к пониманию права не может быть принят в качестве единственного или даже доминирующего при исследовании ключевых проблем судебного правообразования. Он ясно и широко раскрывает социальную природу права, но затрудняет для исследователя проведение четкой границы между правом, моралью и деловым оборотом, между правовым и неправовым, законным и незаконным; использует весьма размытые ключевые категории (такие как «интерес» и «конфликт»), во многом нивелирует значение официально-легитимных источников права; сталкивается с трудностью выработки универсальных критериев того, какие нормы, возникшие в судебной или социальной практике, действительно могут считаться юридическими и составляют право, а какие следует отнести к проявлениям морали, нравственности или организационного порядка. Иными словами, социологический тип правопонимания, взятый в единстве, впрочем, как и все другие рассмотренные выше и иные мыслимые монистические концепции, сам по себе не способен эффективно решить задачу раскрытия сущности права, объяснения и описания механизмов его образования и эволюции.

Интегративный тип правопонимания

Логика проведенного исследования, как содержательно, так и с точки зрения развития представлений о праве в истории юриспруденции убедительно показывает, что каждое рассмотренное научное направление есть самостоятельный, но лишь односторонний взгляд на право [48, с. 28]. Такой вывод, в свою очередь, подводит к необходимости рассмотрения культивируемых современными правоведомы интегративных концепций правопонимания, основное содержание которых заключается в объединении различных теорий и взглядов на сущность права с целью его познания как целостного явления в единстве всех значимых аспектов. Эта методологическая парадигма возникла на почве критики односто-

ронности и редукционизма классических представлений, изолированно рассматривающих только одну или несколько отдельных граней права из их бесконечного множества. Термин «интегративная юриспруденция» (*integrative jurisprudence*) впервые предложен Д. Холлом для обозначения синтетического подхода, который представляет собой попытку достижения единства между фактами, идеями и ценностями, лежащими в основе права, в качестве ответа на ограниченность традиционных школ — юридического позитивизма, философии естественного права и социологии права [49, с. 784]. Наиболее известным англоязычным исследователем интегративной юриспруденции является Г. Берман, который заявлял о необходимости преодоления односторонних представлений о праве как о наборе технических средств для достижения целей; считал важным пресечь тенденции отделения права от истории; предложил объединить традиционные школы политической, аналитической, философской, моральной, исторической и социально-экономической юриспруденции в рамках интегративной концепции, которая подчеркивала бы, что в законе задействованы не только разум и воля, но и эмоции, интуиция и вера [50].

В отечественной юридической литературе также сложилось устойчивое представление о том, что интеграция знаний представляет собой общенаучную закономерность, а синтез идей и учений ведет к более полному и углубленному познанию природы, общества [48, с. 25]. Несмотря на серьезные доктринальные возражения [51], интегративное правопонимание получает все большее признание. Речь уже не идет об оценке того, существует ли потребность в таком методологическом концепте, он вошел в правовую реальность, стал частью современного юридического дискурса. Основной водораздел между различными направлениями научной дискуссии проходит в настоящее время по вопросу теоретического обоснования и поиска путей практического построения интегративной правовой модели [52, с. 88]. Это очень масштабная и амбициозная задача, которая стоит перед общей теорией права, и от решения которой во многом зависят теоретические построения других отраслей права, включая конституционное.

Пока очевидно лишь то, что во избежание очередного компилятивно-эkleктического построения интеграция идей не должна вестись на формально-догматической основе, а может успешно осуществляться только на высоком уровне философии права [53, с. 23]. Иными сло-

вами, интегративное правопонимание должно признаваться как единство и взаимосвязь познавательной многогранности и онтологической (бытийной) целостности права [52, с. 88]. Вслед за Д. Холлом и Г. Берманом здесь можно утверждать о необходимости ухода от чрезмерно упрощенных концепций причинности и права, объединения в интегративном правопонимании трех «измерений» юридического мышления (идей, фактов и ценностей) [49, с. 782], обеспечения взаимодействия духа и материи, идей и опыта, синтеза достижений традиционных школ юриспруденции [50, с. 44]. При этом синтезировать требуется не все подряд (безусловно, есть постулаты ошибочные, устаревшие, излишне радикальные, несовместимые с иными интегрируемыми элементами), а только те основополагающие идеи, которые прошли проверку временем, доказали свою состоятельность, переосмыслены с учетом современных условий, соответствуют конституционному правопониманию [48, с. 27–28]. Поэтому процесс формирования интегративного понимания права следует начинать с идей естественно-правового учения [48], как наиболее человекоцентричной и методологически общей концепции, однако выход на интегративное восприятие, безусловно, имеет и нормативистское понимание права [53, с. 25], и историческое, и социальное. Интегративный концепт не противоречит даже марксизму, в котором заложены глубокие основы для интегративного исследования права и, следовательно, для признания разных философских подходов к его освоению [53, с. 21]. Таким образом, необходимо признать, что все научные школы, не отрицающие идею интеграции научных знаний как таковых, способны внести свой вклад в раскрытие многогранного феномена права [48, с. 33]. Этот потенциальный вклад лишь нужно заметить, правильно квалифицировать и имплицировать в единые представления формирующегося интегративного типа правопонимания.

Таким образом, в развитие предложенной В.В. Лазаревым идеологии «жизнь синтетична; право интегративно; восприятие права всеобъемлюще» [54, с. 34] можно утверждать, что интегративное правопонимание — это перспективная модель, теоретически способная выделить, описать и объяснить наиболее значимые признаки, внутренние закономерности и внешние проявления права, как наиболее сложного и многогранного явления из тех, исследованиями которых занимается юриспруденция. Именно объединение в одной модели идей и смыслов, традиций

и инноваций, предметных границ и методологий позволит перейти от эклектичного, разнородного сочетания отдельных подходов к новому качеству восприятия права, получить синергетический эффект в виде появления познавательного инструмента, способного в зависимости от стоящих перед исследователем задач одновременно фиксировать право как целое, высвечивая для рассмотрения его отдельные интересующие аспекты. По этой причине рассмотрение феномена судебного правообразования наиболее перспективно именно с позиций интегративного типа правопонимания, гибко настроенного под конкретную исследовательскую задачу.

Заключение

Интегративная модель понимания права представляется концептуально пригодной для исследования проблем судебного правообразования, поскольку позволяет всесторонне учитывать различные компоненты этого процесса. С ее помощью можно объединить: *естественно-правовые и либертарные* идеи свободы, формального равенства и справедливости — для выработки критериев оценки творческого начала в судебных решениях, определения ценностных ориентиров судебной инициативы, раскрытия роли суда как инструмента защиты индивидуальных свобод и установления справедливого соотношения между частными интересами и публичной властью; *исторический контекст* становления правосудия, влияющий на современное состояние правовой материи, — для анализа преемственности и обычаев как источников формирования судебных правил поведения, а также для выявления устойчивых цивилизационных паттернов и традиций, определяющих развитие судебного права; *ментальные аспекты* правосудия — для оценки влияния индивидуальных

и коллективных психологических факторов на содержание судебных решений, учета личных установок, эмоционального состояния и когнитивных особенностей судей при интерпретации норм и выборе правовых конструкций, а также для раскрытия неформальных мотивов судебного правотворчества; *социологическую перспективу* — как средство анализа того, каким образом суд конструирует новые правовые механизмы под воздействием изменяющихся общественных отношений, как судебная практика отражает потребности общества и превращается в механизм реагирования на социальные запросы, а также как формируются закономерности возникновения прецедента и других судебных доктрин; *идеи правового реализма*, акцентирующие внимание на реальном поведении судей и складывающихся практиках, — для анализа конкретных решений, стратегий, аргументации и контекста судебного рассмотрения, а также выявления действительных механизмов функционирования и трансформации права через судебную практику; *позитивистское начало* — как условие необходимой последовательности и строгости анализа процессов легитимации и логического обоснования судебного правоустановления в качестве источника права, что позволяет установить границы допустимого судебного усмотрения, предотвратить чрезмерный активизм и обеспечить требуемую юридическую определенность в системе судебного правообразования.

Следовательно, интегративный подход дает возможность рассматривать судебное правообразование как многомерное явление, соединяющее ценностные, историко-культурные, психологические, социологические и нормативно-догматические начала, чья совокупность формирует целостное представление о праве и его развитии в судебной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / К. Ларенц, К.-В. Канарис ; пер. с нем. К.В. Нама. — Москва : М-Логос, 2024. — 357 с.
2. Ранненкампф Н.К. Очерки юридической энциклопедии / Н.К. Ранненкампф. — 2-е испр. и доп. изд. — Киев : Изд-во Н.Я. Оглоблина, 1880. — 282 с.
3. Bódig M. Comment on Simmonds — Legal Positivism and the Limits of the Contemporary Legal Theoretical Discourse / M. Bódig. — DOI 10.1017/S2071832200017041 // German Law Journal. — 2011. — Vol. 12, no. 2. — P. 625–662.
4. Еллинек Г. Право современного государства / Г. Еллинек. — 2-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург : Изд-во Н.К. Мартынова, 1908. — Т. 1: Общее учение о государстве. — XXIV, 599 с.
5. Лазарев В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда / В.В. Лазарев. — DOI 10.12737/article_59522f9788fe2.03969891. — EDN ZBPWND // Журнал российского права. — 2017. — № 7. — С. 5–18.
6. Дигесты Юстиниана / отв. ред. Л.Л. Кофанов. — Москва : Статут, 2002. — Т. 1, кн. 1. — 584 с.
7. Новгородцев П.И. Политические идеалы Древнего и Нового мира / П.И. Новгородцев. — Москва : Типо-литогр. И.Н. Кушнарев и К°, 1913. — Вып. II. — 96 с.

8. Jori M. Legal Positivism / M. Jori. — DOI 10.4324/9780415249126-T008-1 // Routledge Encyclopedia of Philosophy / ed. E. Craig. — London, 1998. — P. 4657–4663.
9. Cheong B.C. Bending the Arc of Law: Positivism Meets Climate Change's Intergenerational Challenge / B.C. Cheong. — DOI 10.1017/S2047102525000032 // Transnational Environmental Law. — 2025. — Vol. 14, iss. 2. — P. 1–27.
10. Petroski K. Is Post-Positivism Possible? / K. Petroski. — DOI 10.1017/S2071832200017053 // German Law Journal. — 2011. — Vol. 12, no. 2. — P. 663–692.
11. Hobbes T. A Dialogue Between a Philosopher and a Student of the Common Laws of England / T. Hobbes ; ed. J. Cropsey. — Chicago : University of Chicago Press, 1971. — 272 p.
12. Hall S. The Persistent Spectre: Natural Law, International Order and the Limits of Legal Positivism / S. Hall // European Journal of International Law. — 2001. — Vol. 12, no. 2. — P. 269–307.
13. Hassan R. Law is a Command of the Sovereign Backed by Sanction: Austinian Command Theory of Law — Revisited / R. Hassan. — DOI 10.1000/IJLMH.114303 // International Journal of Law Management & Humanities. — 2023. — Vol. 6, no.1. — P. 2107–2116.
14. García-Salmones Rovira M. What is Positivism Today? / M. García-Salmones Rovira. — DOI 10.1017/aju.2020.16 // AJIL Unbound. — 2020. — Vol. 114. — P. 87–91.
15. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / Ф. Регельсбергер ; под ред. Ю.С. Гамбарова. — Москва : тип. т-ва И.Д. Сытина, 1897. — XIV, 296 с.
16. Pfersmann O. Preface — The Many Fates of Legal Positivism / O. Pfersmann, A. Jakab, J. Busch. — DOI 10.1017/S2071832200017028 // German Law Journal. — 2011. — Vol. 12, no. 2. — P. 599–600.
17. Dickson J. Elucidating Law / J. Dickson. — Oxford : Oxford University Press, 2014. — 256 p.
18. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права / Ф.К. фон Савиньи ; пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — Москва : Статут, 2011. — Т. 1. — 510 с.
19. Пухта Г.Ф. Энциклопедия права / Г.Ф. Пухта. — Ярославль : тип. Г. Фальк, 1872. — 99 с.
20. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба: опыт характеристики основ школы Савиньи в их последовательном развитии / П.И. Новгородцев. — Москва : Унив. тип., 1896. — 226 с.
21. Иеринг Р. Борьба за право / Р. Иеринг. — Санкт-Петербург : Вестник Знания, 1912. — 95 с.
22. История политических и правовых учений : учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2004. — 944 с.
23. Стучка П. Учение о советском государстве и его конституции СССР и РСФСР : учеб. пособие / П. Стучка. — Изд. 6-е., перераб. — Москва : Гос. изд-во, 1929. — 311 p.
24. Карапетов А.А. Экономический анализ права / А.А. Карапетов. — Москва : Статут, 2016. — 528 с. — EDN YSGBPZ.
25. Frank J. Law and the Modern Mind / J. Frank. — London : Stevens & Sons Ltd., 1949. — 368 p.
26. Llewellyn K.N. The Bramble Bush: On Our Law and its Study / K.N. Llewellyn. — Dobbs Ferry, N.Y. : Oceana Publications, Inc., 1996. — 176 p.
27. Somek A. The Spirit of Legal Positivism / A. Somek. — DOI 10.1017/S2071832200017077 // German Law Journal. — 2011. — Vol. 12, no. 2. — P. 729–756.
28. Тонков Е.Н. Правовой реализм / Е.Н. Тонков, Д.Е. Тонков. — Санкт-Петербург : Алетея, 2022. — 464 с. — EDN YCYXLN.
29. Честнов И.Л. Реалистично о правовом реализме: рецензия на монографию: Тонков Е. Н., Тонков Д. Е. Правовой реализм. СПб. : Алетея, 2022. 464 с / И.Л. Честнов. — DOI 10.17803/1729-5920.2022.193.12.145-153. — EDN PURFIY // Lex Russica (Русский закон). — 2022. — Т. 75, № 12 (193). — С. 145–153.
30. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве : лекции / Г.Ф. Шершеневич. — Москва : Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1908. — 159 с.
31. Тонков Е.Н. Источники права в «русском правовом реализме» / Е.Н. Тонков. — DOI 10.17803/2311-5998.2020.75.11.096-104. — EDN GFMBHY // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 11. — С. 96–104.
32. Право и правоприменение в России: междисциплинарные исследования / под ред. В.В. Волкова. — Москва : Статут, 2011. — 317 с. — EDN QSEOPR.
33. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. — Москва : Социум, 2014. — 480 с.
34. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Нерсесянц. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2012. — 560 с.
35. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) / В.С. Нерсесянц // Судебная практика как источник права. — Москва, 1997. — С. 34–41.
36. Нерсесянц В.С. Философия права : учебник / В.С. Нерсесянц. — Москва : Норма, 2005. — 656 с.
37. Нерсесянц В.С. Социалистическое правовое государство: проблемы и суждения / В.С. Нерсесянц. — Москва : Изд-во Ин-та гос. и права, 1989. — 200 с.
38. Хайек Ф.А. Конституция свободы / Ф.А. Хайек. — Москва : Новое изд-во, 2018. — 646 с.

39. Умнова-Конюхова И.А. Принцип конституционной сдержанности: содержание и особенности реализации / И.А. Умнова-Конюхова, И.А. Алешкова. — DOI 10.18572/1812-3767-2020-9-20-25. — EDN SQTBJJ // Конституционное и муниципальное право. — 2020. — № 9. — С. 20–25.
40. Карнишина Н.Г. История политических и правовых учений : учеб. пособие / Н.Г. Карнишина. — Пенза : Изд во ПГУ, 2018. — 154 с.
41. Соборнов П.Е. История политических и правовых учений : курс лекций / П.Е. Соборнов. — Нижний Новгород : Изд во НА МВД России, 2017. — 270 с.
42. Глазырин А.А. Социология : учебник / А.А. Глазырин. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2025. — 414с.
43. Эрлих О. Основоположение социологии права / О. Эрлих ; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. — Санкт-Петербург, 2011. — 704 с.
44. Дюги Л. Общество, личность и государство: социальное право, индивидуальное право и преобразование государства : лекции, прочитанные в Высшей школе социальных наук в Париже / Л. Дюги. — Санкт-Петербург, 1914. — 73 с.
45. Adair S. Status and Solidarity: A Reformulation of Early Durkheimian Theory / S. Adair. — DOI 10.1111/j.1475-682X.2008.00223.x // Sociological Inquiry. — 2008. — Vol. 78, no. 1. — P. 97–120.
46. Michaels R. The Functional Method of Comparative Law / R. Michaels // The Oxford Handbook of Comparative Law / ed. M. Reimann, R. Zimmermann. — Oxford, 2006. — P. 339–382.
47. Mermin S. Legal Functionalism / S. Mermin // Legal Theory and Philosophy of Law / ed. A. Peczenik. — Dordrecht, 1973. — P. 82–88.
48. Шафиров В.М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм / В.М. Шафиров. — DOI 10.12737/article_59522f97cdd437.98640469. — EDN ZBPWOH // Журнал российского права. — 2017. — № 7. — С. 14–27.
49. Hall J. Integrative Jurisprudence / J. Hall // Hastings Law Journal. — 1976. — Vol. 27, no. 4. — P. 1–37.
50. Berman H.J. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition / H.J. Berman. — Cambridge : Harvard University Press, 1983. — 657 p.
51. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права / А.Ф. Черданцев. — DOI 10.12737/21518. — EDN WLUSWL // Журнал российского права. — 2016. — № 10. — С. 5–15.
52. Гаврилова Ю.А. Интегративная концепция права: от философско-юридического дуализма к синтезу в смысловой теории / Ю.А. Гаврилова. — EDN ZTCYIV // Российский журнал правовых исследований. — 2017. — № 1 (10). — С. 88–93.
53. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права / В.В. Лазарев. — EDN YQDHOR // Юридическая наука: история и современность. — 2017. — № 2. — С. 23–32.
54. Сидоренко А.И. Интегративное понимание права / А.И. Сидоренко, Ю.А. Ибрагимов. — EDN ZBPWOR // Журнал российского права. — 2017. — № 7. — С. 33–45.

REFERENCES

1. Larentz K., Canaris C.-W. *Methodenlehre der Rechtswissenschaft*. New York, Spribger, 1995. 326 S. (Russ. ed.: Larentz K., Canaris C.-W.; Nam K.V. (ed.). *Methodology of Jurisprudence*. Moscow, N-Logos Publ., 2024. 357 p.).
2. Rannenkampf N.K. *Essays on the legal encyclopedia*. 2nd ed. Kiev, N.Ya. Ogloblin Publ., 1880. 282 p.
3. Bódig M. Comment on Simmonds — Legal Positivism and the Limits of the Contemporary Legal Theoretical Discourse. *German Law Journal*, 2011, vol. 12, no. 2, pp. 625–662. DOI: 10.1017/S2071832200017041.
4. Ellinek G. *The law of the modern state*. Saint Petersburg, N.K. Martynov Publ., 1908. Vol. 1. XXIV, 599 p.
5. Lazarev V.V. Integration of Law and the Implementation of Integrative Approaches to Law in a Court Decision. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2017, no. 7, pp. 5–18. (In Russian). EDN: ZBPWND. DOI: 10.12737/article_59522f9788ffe2.03969891.
6. Kofanov L.L. (ed.). *Digesta Iustiniani*. Moscow, Statut Publ., 2002. Vol. 1, bk. 1. 584 p.
7. Novgorodtsev P.I. *Political ideals of the Ancient and New World*. Moscow, I.N. Kushnarev i K° Publ., 1913. Iss. 2. 96 p.
8. Jori M. Legal Positivism. In Craig E. (ed.). *Routledge Encyclopedia of Philosophy*. London, 1998. pp. 4657–4663. DOI: 10.4324/9780415249126-T008-1.
9. Cheong B.C. Bending the Arc of Law: Positivism Meets Climate Change's Intergenerational Challenge. *Transnational Environmental Law*, 2025, vol. iss. 2, pp. 1–27. DOI: 10.1017/S2047102525000032.
10. Petroski K. Is Post-Positivism Possible? *German Law Journal*, 2011, vol. 12, no. 2, pp. 663–692. DOI: 10.1017/S2071832200017053.
11. Hobbes T.; Cropsey J. (ed.). *A Dialogue Between a Philosopher and a Student of the Common Laws of England*. Chicago, University of Chicago Press, 1971. 272 p.
12. Hall S. The Persistent Spectre: Natural Law, International Order and the Limits of Legal Positivism. *European Journal of International Law*, 2001, vol. 12, no. 2, pp. 269–307.
13. Hassan R. Law is a Command of the Sovereign Backed by Sanction: Austinian Command Theory of Law — Revisited. *International Journal of Law Management & Humanities*, 2023, vol. 6, no. 1, pp. 2107–2116. DOI: 10.1000/IJLMH.114303.

14. García-Salmones Rovira M. What is Positivism Today? *AJIL Unbound*, 2020, vol. 114, pp. 87–91. DOI: 10.1017/aju.2020.16.
15. Regelsberger F.; Gambarov Yu.S. (ed.). *The General Doctrine of Law*. Moscow, I.D. Sytin Publ., 1897. XIV, 296 p.
16. Pfersmann O., Jakab A., Busch J. Preface — The Many Fates of Legal Positivism. *German Law Journal*, 2011, vol. 12, no. 2, pp. 599–600. DOI 10.1017/S2071832200017028.
17. Dickson J. *Elucidating Law*. Oxford University Press, 2014. 256 p.
18. Savigny F.K. von. *System des heutigen römischen rechts*. Berlin, Veit und comp., 1840. 664 p. (Russ. ed.: Savigny F.K. von; Kutateladze O., Zubar V. (eds). *The System of Modern Roman Law*. Moscow, Statut Publ., 2011. Vol. 1. 510 p).
19. Pukhta G.F. *Encyclopedia of Law*. Yaroslavl, G. Fal'k Publ., 1872. 99 p.
20. Novgorodtsev P.I. *Historical school of lawyers, its origin and fate: the experience of characterizing the foundations of the Savigny school in their consistent development*. Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1896. 226 p.
21. Ihering R. von. *Der Kampf um's Recht*. Wien, Manz, 1872. 108 s. (Russ. ed.: Ihering R. *The Struggle for Law*. Saint Petersburg, Vestnik Znaniya Publ., 1912. 95 p.).
22. Nersesyants V.S. (ed.). *History of Political and Legal Doctrines*. 4th ed. Moscow, Norma Publ., 2004. 944 p.
23. Stuchka P. *The doctrine of the Soviet state and its constitution of the USSR and the RSFSR*. 6th ed. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1929. 311 p.
24. Karapetov A.G. *Economic Analysis of Law*. Moscow, Statut Publ., 2016. 528 p. EDN: YSGBPZ.
25. Frank J. *Law and the Modern Mind*. London, Stevens & Sons Ltd., 1949. 368 p.
26. Llewellyn K.N. *The Bramble Bush: On Our Law and its Study*. Dobbs Ferry, N.Y, Oceana Publications, Inc., 1996. 176 p.
27. Somek A. The Spirit of Legal Positivism. *German Law Journal*, 2011, vol. 12, no. 2, pp. 729–756. DOI 10.1017/S2071832200017077.
28. Tonkov E.N., Tonkov D.E. *Legal Realism*. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2022. 464 p.
29. Chestnov I.L. On Legal Realism in a Realistic Manner. Monograph Review. Tonkov E.N., Tonkov D.E. *Legal Realism* (St. Petersburg: Aleteya Publ.; 2022. 464 p.). *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 12, pp. 145–153. (In Russian). EDN: PURFIY. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.193.12.145-153.
30. Shershenevich G.F. *The General Doctrine of Law and the State*. Moscow, I.D. Sytin Publ., 1908. 159 p.
31. Tonkov E.N. Sources of Law in «Russian Legal Realism». *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina = Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, 2020, no. 11, pp. 96–104. (In Russian). EDN: GFMBHY. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.75.11.096-104.
32. Volkov V.V. (ed.). *Law and Enforcement in Russia: Interdisciplinary Research*. Moscow, Statut Publ., 2011. 317 p. EDN: QSEOPR.
33. Locke J. *Two Treatises of Government*. London, Printed for Whitmore and Fenn and C. Brown, 1821. 427 p. (Russ. ed.: Locke J. *Two Treatises of Government*. Moscow, Sotsium Publ., 2014. 480 p.).
34. Nersesyants V.S. *General Theory of Law and the State*. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2012. 560 p.
35. Nersesyants V.S. The court does not legislate and does not govern, but applies the law (on the enforcement nature of judicial acts). In *Judicial practice as a source of law*. Moscow, 1997, pp. 34–41. (In Russian).
36. Nersesyants V.S. *Philosophy of Law*. Moscow, Norma Publ., 2005. 656 p.
37. Nersesyants V.S. *Socialist rule of law: problems and judgments*. Moscow, Institute of State and Law Publ., 1989. 200 p.
38. Hayek F.A. *The Constitution of Liberty*. Chicago, University of Chicago Press, 1978. 579 p. (Russ. ed.: Hayek F.A. *The Constitution of Liberty*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2018. 545 p.).
39. Umnova-Konyukhova I.A., Aleshkova I.A. The Principle of Constitutional Moderation: the Content and Implementation Peculiarities. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2020, no. 9, pp. 20–25. (In Russian). EDN: SQTBJJ. DOI: 10.18572/1812-3767-2020-9-20-25.
40. Karnishina N.G. *History of Political and Legal Doctrines*. Penza State University Publ., 2018. 154 p.
41. Sobornov P.E. *History of Political and Legal Doctrines*. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ., 2017. 270 p.
42. Glazyrin A.A. *Sociology*. 5th ed. Moscow, Yurait Publ., 2025. 414 p.
43. Ehrlich E. *Fundamental Principles of the Sociology of Law*. Harvard University Press, 1936. 581 p. (Russ. ed.: Ehrlich E.; Grafskiy V.G., Grevtsov Yu.I. (eds). *Fundamental Principles of the Sociology of Law*. Saint Petersburg, 2011. 704 p.).
44. Dyugi L. *Society, the individual and the state: social law, individual law and transformation of the state*. Saint Petersburg, 1914. 73 p.
45. Adair S. Status and Solidarity: A Reformulation of Early Durkheimian Theory. *Sociological Inquiry*, 2008, vol. 78, no. 1, pp. 97–120. DOI 10.1111/j.1475-682X.2008.00223.x.
46. Michaels R. The Functional Method of Comparative Law. In Reimann M., Zimmermann R. (eds). *The Oxford Handbook of Comparative Law*. Oxford, 2006, pp. 339–382.
47. Mermin S. Legal Functionalism. In Peczenik A. (ed.). *Legal Theory and Philosophy of Law*. Dordrecht, 1973, pp. 82–88.

48. Shafirov V.M. Integrative Understanding of Law and Exclusive Positivism. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2017, no. 7, pp. 14–27. (In Russian). EDN: ZBPWOH. DOI: 10.12737/article_59522f97cdd437.98640469.
49. Hall J. Integrative Jurisprudence. *Hastings Law Journal*, 1976, vol. 27, no. 4, pp. 1–37.
50. Berman H.J. *Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition*. Cambridge, Harvard University Press, 1983. 657 p.
51. Cherdantsev A.F. Integrative Misunderstanding Law. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2016, no. 10, pp. 5–15. (In Russian). EDN: WLUSWL. DOI: 10.12737/21518.
52. Gavrilova Yu.A. An Integrative Concept of Law: Philosophical and Legal Dualism to the Synthesis in Semantic Theory. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian Journal of Legal Studies*, 2017, no. 1, pp. 88–93. (In Russian). EDN: ZTCYIV.
53. Lazarev V.V. Integrative Perception of Law. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2017, no. 2, pp. 23–32. (In Russian). EDN: YQDHOR.
54. Sidorenko A.I., Ibragimova Yu.E. Integrative Understanding of Law. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2017, no. 7, pp. 33–45. (In Russian). EDN: ZBPWOR.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даниил Сергеевич Дерхо — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права. Южно-Уральский государственный университет. 454080, Россия, г. Челябинск, пр-кт Ленина, 76; федеральный судья. Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округа. 629002, Россия, г. Салехард, ул. Республики, 102. SPIN-код: 5152-6633.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daniil S. Derkho — Ph.D. in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law. South Ural State University. 76 Lenin Avenue, Chelyabinsk, Russia, 454080; Federal Judge. Arbitration Court of the Yamalo-Nenets Autonomous District. 102 Republic Str., Salekhard, 629002, Russia. SPIN-code: 5152-6633.

Поступила в редакцию / Received 03.02.2026

Доработана после рецензирования / Revised 19.03.2026

Принята к публикации / Accepted 10.09.2026